

2207 «Нам не дано предугадать...»

Александр Грин в советской поэзии

Более двадцати лет я занимаюсь изучением жизни и творчества писателя Александра Степановича Грина. За плечами — годы поиска, сомнений, открытий.

Дорога подарила мне многое — встречи с людьми, близко знавшими писателя; общение, долгие беседы и переписку с Ниной Николаевной Грин; разыскание малоизвестных изданий, публикаций, документов; восстановление «белых пятен» в биографии «сказочника странного». Поиск уводил на Север и в Поволжье, в Крым и на Урал...

Грин — особая глава в книге, которую мы именуем историей русской советской литературы. И, естественно, — особое отношение к нему не только нашего, советского, читателя.

Некоторые исследователи А. С. Грина, говоря о влиянии писателя на советскую поэзию, утверждают, что о самом Грине и по мотивам его произведений создано более ста стихотворений. Цифра небольшая и впечатляющая. Но... не совсем точная. Недавно я закончил работу над рукописным сборником «Стихи о Грине». В первую книгу (а их задумано три) вошло 230 стихотворений. Беру на себя смелость утверждать, что это будет далеко не полное собрание стихотворений о Грине. Многие, еще пока не обнаруженные, разбросано по многочисленным газетам нашей страны. Грина читают, у него учатся любви и мужеству жить. Отсюда и потребность выразить свое бережное, высокое отношение к «волшебнику из Гель-Гью» в поэтической строке. Даже в самые трудные

для творчества Александра Грина дни его книги продолжали волновать.

Михаил Дудин в нелегком 1941 году писал:

«...Здесь только б жить



и грезить Грину, и боевыми книгами».

Чтоб только ветер

в волосах,

Чтоб солнце в лоб

и звезды в спину —

Лететь на алых парусах».

Александр Гитович в перерыве между боями на Волховском фронте в 1944 году как бы вторил Дудину:

«И старый Грин сойдет на братский пир.

И скажет нам, что изменился мир,

Что Зангезур получше Зурбагана».

В подборке приведенное стихотворение погибшего Павла Когана, автора знаменитой «Бригантины», которая была написана под влиянием произведений Грина.

Рядом — стихотворение Павла Винтмана. Он тоже погиб, но, как и Коган, отваге поступка и зрелости мужества Винтман учился у Грина.

Константин Паустовский писал в 1944 году:

«Сейчас, в дни войны, когда наша победа и будущее зависят от нашего мужества, от преданности Родине, от нашей культурности и силы, книги Грина, помогающие нам воспитывать в себе эти качества, являются по сути своей подлинными оборонными

Поистине как у Тютчева:

«Нам не дано предугадать,

Как слово наше

отзовется...»

Свое слово в поэтической Гриниане сказали и литераторы Брянщины. Среди них поэт Валентин Динабургский, журналисты Степан Юрков и Евгений Потупов, инженер-строитель Сергей Капитанов, Светлана Бердышева и В. Галицкий — из Брянска, Ю. Мотылев из Дятькова и А. Иванов из Брасова...

Когда создавалась эта библиография, было приятно отмечать, что и «Брянский рабочий», и «Брянский комсомолец», и многие районные газеты области внесли свой серьезный вклад в поэтическую летопись об одном из уникальнейших советских прозаиков. Но об этом разговор еще предстоит...

С. ТОЛКАЧЕВ.

Рисунок автора.

ПАВЕЛ КОГАН

Снова месяц висит ятаганом,
На ветру догорает лист.
Рано утром из Зурбагана
Корабли отплывают в Лисс.
Кипарисами машет берег,
Шкипер, верящий всем богам,
Совершенно серьезно верит,
Что на свете есть Зурбаган.
И идут корабли на Запад.
Через море и через стих,
Чтобы молний тревожный запах
Тихой песенкой донести.
В час, когда догорает рябина,
Кружит по ветру желтый лист,
Мы поднимем бокал за Грина
И тихонько выйдем за Лисс.

1936.

ПАВЕЛ ВИНТМАН

Александр Грину

Я живу на третьем этаже,
Вечно вижу небо в проводах,
Слышу, как обглаживает жесть
Дождевая ржавая вода.
Только я чужой вам, этажки,
Только я средь улиц, как в лесу.
Только я сквозь городскую жизнь
Сказки моря в сердце пронесу.

1940 г.

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

ПАМЯТИ А. С. ГРИНА

Сказки пишут для храбрых.
Зачем равнодушному сказка?
Что чудес не бывает,
Он знает со школьной скамьи.
Для него хороша

незаметная
серая краска.

Он уверен:
Незрачны на вид соловьи.
Соловьи золотые.
Их видело детство таними!
Можно путь разыскать
В заповедник ночной синевы,
Где червонная птица,
С глазами, как луны, большими,
Наполняет сияньем
Пещеры ветвей и листья.
Босоножка-любовь
Нам дарила ромашки и звезды,
Уходила в моря,
На волне оставляя следы...
По желанию ее
Корабли поднимались на воздух,
Вплыв в бросалась гора
И в снегах
Расцветали сады.
Сказка честной была.

Не таилась,

В глазах не двоилась,
Солнцем в она лилась,
Зажигала зари полунруг.
Ей хотелось, чтоб память не слепа,
Чтоб юность опять повторилась,
Чтобы краткими стали
Железные версты разлук.
Кто ее сочинил?
Счастье,

ветер,

прибой у причала,
неумолчное сердце,

Что яростно билось в груди...
Мы продолжим рассказ.
Нам романтика снова сказала:
«Это присказка только,
А сказка еще впереди».

1940 г.